

Из скромного статиста Хань Цинъюй в одночасье превратился в главного спонсора. Его статус на съемочной площадке взлетел, словно ракета, и достиг пика сразу после того, как он подтвердил перевод средств.

Рабочий персонал суетился вокруг него: кто-то услужливо поднес фрукты после обеда, Се Юйтун поделилась только что купленным молочным чаем, а главный бухгалтер смотрела на Хань Цинъюя с такой теплотой, будто он был ее собственным сыном. Сотрудники, чьи доходы теперь были гарантированы, казалось, готовы были пасть на колени и хором воскликнуть: сегодня ты наш бог!

И лишь один человек — будущий соперник в любви — хранил молчание. Его выражение лица с самого начала было таким загадочным, что невозможно было догадаться, о чем он думает.

Чтобы не обидеть коллег, Хань Цинъюй с улыбкой принял и фрукты, и чай — к счастью, он любил и то, и другое.

Он непринужденно болтал с ребятами из съемочной группы, но, изредка бросая взгляд на Се Кая, слегка вскидывал голову, а уголки его губ расплывались в дерзкой усмешке: что, будущий соперник, испугался? Дрожи перед денежным натиском этого властного президента!

— Хань Цинъюй, ты так запросто выделил два миллиона на инвестиции, неужели ты и правда настолько любишь актерство, что пришел в нашу скромную группу на такую крошечную роль? — не удержалась от вопроса исполнительница главной женской роли.

В оригинальном сюжете властный президент вел себя крайне скрытно и никогда не давал интервью, поэтому люди из других кругов вряд ли могли знать, кто он такой. А когда его личность была раскрыта, он уже успел знатно проучить второстепенных персонажей, презиравших главного героя. Именно поэтому никто на площадке не догадывался, кто такой Хань Цинъюй на самом деле, принимая его за обычного начинающего актера.

Теперь, когда Хань Цинъюй стал инвестором, он оставался таким же дружелюбным, и окружающие, не зная, как сменить тон общения, просто обступили его, засыпая вопросами.

Особенно старались главная актриса и Се Юйтун — они оказались в первых рядах любителей посплетничать и теперь смотрели на Хань Цинъюя с обожанием, ожидая ответа.

Улыбка Хань Цинъюя на мгновение погасла. Он сделал глоток чая, кивнул и с мученическим видом ответил:

— Да уж, если не сниматься в кино, придется возвращаться и управлять семейным бизнесом. Это же смертная скука.

Мало того, что приходится пахать на Управление Пространства и Времени, так еще и терпеть давление Системы — жизнь у него была просто невыносимая. Когда же наконец наступит тот

день, когда он сможет уйти на покой и зажить жизнью беззаботного бездельника?

— Ого, правда? Не будешь сниматься — придется наследовать состояние?

— Брат Юй, теперь я вижу, как ты буквально светишься аурой богатства и идеалов, это так ослепительно!

— Брат Юй, брат Юй, а ты будешь продолжать сниматься в будущем? Если у нас появятся подходящие роли, можно будет тебе написать? Только, чур, не из-за инвестиций, у тебя правда потрясающий талант!

Хань Цинъюй обожал, когда его хвалили, и его глаза тут же превратились в полумесяцы:

— Скажу прямо: одно другому не мешает! И мой талант, и мои деньги — всё к вашим услугам!

Его ответ был таким забавным, что все рассмеялись. Видя, что балаган заходит слишком далеко, Се Кай наконец не выдержал и помрачнел:

— Вы что, не собираетесь отдыхать? Если так, давайте перенесем дневные съемки на пораньше.

— Нет-нет, мы уже уходим! — съемочная группа тут же разлетелась в разные стороны, даже главные актеры поспешили скрыться.

Режиссер, хоть и был молод, отличался угрюмым и дотошным характером, а на съемках был крайне строг, поэтому все его побаивались. Лишь Се Юйтун, с детства привыкшая к нелюдимости двоюродного брата, была посмелее. Уходя, она сделала жест Хань Цинъюй:

— Брат Юй, брат Юй, я потом добавлю тебя в наш чат!

Хань Цинъюй улыбнулся и кивнул, а когда повернулся и встретился взглядом с Се Каем, не смог удержаться от насмешливого прищура.

Только что его окружала толпа, а теперь вокруг пустота — намерения этого парня были очевиднее некуда. Ха-ха, занервничал, занервничал! Понял, что его затмили, и занервничал!

Взгляд Хань Цинъюя был таким живым, а его сияющий вид — таким ярким и выразительным, что он затмевал полуденное солнце, озаряя всё вокруг своей дерзкой уверенностью.

Се Кай посмотрел на него, помолчал немного и вдруг произнес:

— Мне нужно кое-что тебе сказать. Давай найдем место потише, можно?

Хань Цинъюй приподнял бровь: неужели этот тип наконец перестал притворяться и решил раскрыть карты?

Прикинув их силы, он решил, что одолеть взрослого мужчину ему будет несложно, поэтому ни капли не испугался. Напротив, он даже пришел в легкое возбуждение: если он как следует врежет сопернику, разве показатель подонка-атаки не взлетит до небес? Тогда его игровое время на ближайшее будущее будет обеспечено!

— Идет, — он приподнял подбородок и, следуя за Се Каем, свернул в пустую гримерку.

<http://bllate.org/book/18609/1791804>